

Отсюда, сущее обретает здесь-бытийствование-настоящим в социальном отношении, связывающим его с прошедшими и будущими событиями социального мира. Здесь-и-теперь-бытийствование производится социальным отношением, которое всегда «там и тогда». Здесь-бытийствование-настоящим неизбежно есть здесь-бытийствование-в-различии.

В процессе социального отношения здесь-бытийствование-настоящим изменяется и начинает различаться как от своего иного, так и от самого себя. Здесь-бытийствование-настоящим относится к своему иному так же, как необъективированное относится к объективированному.

Конституирование предмета исследования как здесь-бытийствования-настоящим требует открытого интервала настоящего-места, различающего и отделяющего его как от уже-не-бытийствования (прошлого) и еще-не-бытийствования (будущего), так и от бытийствования-там. Поскольку открытый интервал настоящего устанавливается в самом настоящем месте, постольку он различает здесь-настоящее и каждое здесь-сущее-в-настоящем от себя и в себе самом.

Движение различия здесь-и-сейчас/там-и-теперь есть различие социальных различий. Другими словами, это движение различия «необъективированное/объективированное», понятого как научное производство упорядоченности-изменчивости социального мира. Производство и воспроизводство возникающих в социальной науке социологических различий представляет собой их опространствливание-овременение, которое выступает в качестве опространствливания-овременения социального мира. То, что философия называет упорядоченностью-изменчивостью, соответствует социальным отношениям социологии, поскольку порядок и изменения даны лишь в отношениях/опосредствованиях и через них.

Велик соблазн рассуждать о пространстве-времени «вообще», вне связи с конкретным социологическим опытом. Однако любым понятийным дистинкциям полагается быть укорененными в наблюдении и эксперименте. Формализм, претендующий на звание теоретического, должен быть органично связан с научной практикой и истиной.

Прежде чем производить универсальные обобщения, хорошо было бы проверить эмпирическую значимость своих концептуальных структур. Посему мы не вводим новых концептов и не увлекаемся теоретическим конструированием, стремясь не нарушить баланс оригинальности и плодотворности. Нам всего лишь хотелось бы обратить внимание социологов на базовую для постструктуралистского видения тему социологических различий. Используя эту оптику, мы и попытались раскрыть связь концепта «пространство-время» с различением объективированное/необъективированное и социальными отношениями.

Современная социальная философия: предмет и пути развития (продолжение следует)

В.Н. ШЕВЧЕНКО

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ: В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ О ЕЕ ПРЕДМЕТЕ И ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ

Дискуссия, которая развернулась на страницах журнала «Личность, культура, общество»¹, по поводу современного состояния социальной философии, явилась весьма отрадным фактом в философской жизни страны последних лет. В ней приняли участие ведущие социальные философы страны, что свидетельствует о желании философов придать социальной философии новый статус, найти для нее более весомое и значимое положение в обществе и научной мысли.

Естественно, что в центре дискуссии оказалось сопоставление различных позиций о том, что не устраивает того или иного участника дискуссии в сегодняшнем состоянии социальной философии и какой ему хотелось бы ее видеть.

Но заметим, участники дискуссии не очень много занимались сопоставлением реального содержания и общественного звучания тех социально-философских концепций, которые или разработаны участниками дискуссии или существуют в современной философской мысли.

И, кажется, они не имели такого намерения, а ведь практически у каждого участника дискуссии есть своя достаточно развитая и выстраданная со-

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН, профессор кафедры философии Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

¹ См.: Личность. Культура. Общество. 2002. Том IV. Вып. 3–4; 2003. Том V. Вып. 1–2.

циально-философская позиция не только на предмет и структуру социальной философии, но и на общество, исторический процесс его развития, события, происходящие в мире и в России.

Участники дискуссии занимались, в общем-то, другим делом. Они обсуждали, прежде всего, то проблемное поле, тот набор исходных принципов и социально-философских категорий, которые скорее задают не содержательные, а формальные границы проблемному полю исследований.

Особого внимания заслуживает точка зрения К.Х. Момджяна о том, что социальная философия, как и философия вообще, существует в двух типах, в принципиально различных двух измерениях. Во-первых, это авторские философские системы, имеющие валюативную, ценностную природу, и, во-вторых, рефлексивная философия.

Первая есть «мудрость, которая интересуется не проблемами, а тайнами человеческого существования в мире», и она «не имеет никакого отношения к науке». Вторая «изучает предельные основания праксиологического отношения человека к миру, создающее особую подсистему окружающей и охватывающей нас реальности – социум»².

Вот об этой последней философии К.Х. Момджян говорит как о научной философии, т.е. о такой философской теории, которая может быть построена на рациональных основаниях и которая поэтому может представлять собой определенный тип научного, т.е. вполне достоверного, проверяемого в принципе знания.

Мне представляется, что в обоих случаях социальная философия изучает предельные основания общества или социального бытия, иначе речь не могла бы идти о философском знании любого типа. Проблема заключается в другом, как изучаются эти предельные основания в том и другом типе философского знания и как эти типы знания связаны между собой.

Огромное большинство философов занимаются различными проблемами этой второй – научно-рефлексивной философией. Прежде всего они обобщают то, что сделано в ценностных (авторских) философских системах с точки зрения обогащения содержания категориального аппарата социальной философии, другими словами, изучают философский инструментарий – принципы и категории, структуру категориального аппарата в целом или отдельные категории, их «блоки».

Что есть, например, категории «потребность» и «интерес» в прошлых и современных социально-философских теориях, что в этих интерпретациях есть общего между собой, что в содержание каждой из категорий может быть включено из различных авторских систем и т.д.

Следовательно, К.Х. Момджян абсолютно прав, когда говорит, что в такого рода теоретических обобщениях «не должно быть ни марксизма, ни ве-

² Момджян К.Х. О ситуации в современном общественном знании или кризис фрагментации и как с ним бороться // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. III. Вып. 3–4. С. 78, 81.

³ Момджян К.Х. Цит. соч. С. 91.

берианства, ни дюркгейнианства»³. По проблематике подобного рода написано и постоянно защищается огромное количество кандидатских и докторских диссертаций, по крайней мере, в нашей стране.

Но К.Х. Момджян пошел здесь гораздо дальше других. Он не только много раз подчеркивал, что научно-рефлексивная философия может быть представлена в виде целостной и многоаспектной системы знаний. К.Х. Момджян в работе «Введение в социальную философию» (М., 1997) сделал единственную пока, причем весьма удачную попытку, тщательно прописать и обосновать структуру и содержание такой целостной системы.

Полученные результаты в научной философии, как нам представляется, должны использоваться в идеале теми, кто отваживается создавать свои оригинальные по замыслу ценностные философские системы. Но насколько философ, созидая свою собственную (валюативную) систему, считался или продолжает считаться с тем, что разработано в науке, т.е. в научной философии, этот вопрос требует всегда конкретного рассмотрения.

Можно лишь заметить в этой связи, как много самодельности встречается сегодня в работах отечественных авторов, которые строят свои системы, не принимая во внимание того, что уже имеется в научной философии и что весьма рискованно идти наперекор накопленному здесь позитивному знанию.

С моей точки зрения, еще одна из тех задач, которые решают авторы в рамках научной философии, состоит в том, чтобы обозначить границы профессионального дискурса, наладить коммуникационные связи и отношения между философами различных школ, а также сопоставить содержание философских категорий с тем содержанием, которое придается им в литературном и обыденном языках.

Например, что означает «интерес» или «благо» в философии и в литературе, как происходит взаимное обогащение содержания философских категорий и литературного языка в ходе исторического развития. В принципе можно говорить о возможности достижения значительного совпадения позиций философов в границах научно-рефлексивной философии, поскольку к этому типу знания предъявляются четко сформулированные требования научного характера.

Другое дело, если философы начинают открыто сопоставлять то, как трактуется общество, человек, история в либерально-позитивистских, марксистских, консервативных, экзистенциальных направлениях социально-философской мысли, если ограничиться здесь только западной мыслью, а ведь еще есть в российской мысли евразийство, русская религиозная философия и много других концепций, всерьез претендующих на философское постижение России и мира.

Вряд ли мы найдем здесь много общего. Достаточно вспомнить яростную критику эмпириком-позитивистом К. Поппером диалектической трактовки законов истории Гегелем и Марксом.

Вот здесь и возникает проблема содержательности теоретической, научной философии. К.Х. Момджян не выступает против валюативных, ценно-

стных систем философии, но решительно предпочитает научную философию в сравнении с валюативной. Однако, в частности, он выступает в поддержку «эссенциалистской» социальной философии, т.е. отдает предпочтение немецкой философской традиции по сравнению с англо-саксонской.

Другими словами, при создании К.Х. Момджяном своей трактовки научно-рефлексивной философии ему приходится закладывать в основу некоторые, причем принципиально важные, ценностные предпочтения, которые никакими ссылками на науку доказать нельзя. А как будет выглядеть с содержательной стороны интерпретация научной социальной философией, например, того же закона или общества как системы при строгом соблюдении принципа элиминации ценностных предпочтений из научной теории?

Для решения этого вопроса следует еще раз внимательно посмотреть на современные трактовки специфики и предмета социальной философии.

Одной из важнейших отличительных черт социальной философии, и здесь я согласен с позицией К.С. Пигрова, является то, что социальная философия имеет своей целью постижение абсолютного, постижение всеобщего, что она направлена на постижение предельных оснований общества и, особенно, на доказательство связи имманентного и трансцендентного, т.е. сущего и должного.

Социальная философия есть онтология общественного бытия, которое обладает, однако, особым статусом. Это развивающееся бытие, и, следовательно, социальная философия постигает всеобщее не как абстрактное, неизменное, а как развивающееся всеобщее, как конкретно-всеобщее. Посредством особого метода изучения сущего, — а оно тоже исторически развивается, — философская мысль неизменно устремлена на постижение содержания конкретно-всеобщего. Что оно представляет собой?

Это есть теоретическое описание первооснов общественного бытия в их предельно развитом состоянии, насколько позволяет сегодняшнее состояние философского знания. Но это и означает, что философская теория, в конечном итоге, дает описание должного, т.е. того общества, каким оно должно стать с развиваемой автором точки зрения. Долженствование и есть вторая, после всеобщности, главная отличительная черта социальной философии.

Обе эти черты в своей нераздельности выражают специфику социальной философии, но они не сливаются в одну единственную черту. Раскрытие каждой из этих двух черт носит достаточно самостоятельный характер. Все это позволяет утверждать, что социальную философию отличает особое отношение человека к миру и что социально-философское знание есть особый тип знания в отличие от конкретно-научного знания.

В работах по общетеоретической философии в последние 10–15 лет фактически сложились две самостоятельные философские дисциплины — философия истории наряду с собственно социальной философией и в дополнение к ней. Обособление зашло настолько далеко, что в отдельных работах по философии

фии истории отсутствует даже методологическая постановка вопроса о том, что речь должна идти об истории как об историческом процессе развития общества.

Напротив, в авторских философских системах — от Гегеля и К. Маркса до К. Ясперса и А. Тойнби — нет указанного выше разделения. Но заметим, что в них доминирует очень часто философско-исторический взгляд на общество. Иначе говоря, авторы пытаются обосновать проект будущего совершенного общества, как оно должно быть устроено, исходя из собственного авторского видения культурно-исторического опыта своей страны и мира.

Другое дело, что тот или иной автор может не задумываться над тем, какие всеобщие неизменные черты общества воплощены в разработанном им проекте будущего совершенного общества. Поэтому любую авторскую систему можно подвергнуть самой придирчивой проверке и с точки зрения понимания им природы социального бытия, и с точки зрения обоснованности сформулированной автором логики исторического процесса развития общества, и с точки зрения содержания категорий.

Развитие теоретической философии как целостной системы научного знания, и создание авторских философских систем выражают две стороны — единство и многообразие — процесса развития современной социальной философии. Казалось бы, вот главная тема для дискуссий о современном состоянии социальной философии.

Попробуем теперь разобраться, почему такое большое внимание было уделено в прошедшей дискуссии вопросам взаимосвязи социальной философии и социологии, особенно в выступлении К.Х. Момджяна. Он придерживается идеи «предметного пересечения философии и общей социологии, рождающей феномен «бинарного» философско-социологического познания общества», который он обозначает «как теоретическое обществознание»⁴. Он настаивает на концептуальном единстве социальной философии и социологии, которое сегодня становится жертвой фрагментации теоретического естествознания.

Мне представляется, что эта идея концептуального единства является весьма спорной и в определенном аспекте даже опасной для развития социальной философии, хотя она хорошо отвечает целям и задачам создания единой научной социальной философии. Интересно проследить истоки этой идеи.

Либерально-позитивистская социальная философия в ее классическом виде предполагала, что все человечество станет единым капиталистическим обществом. Многочисленные рассуждения европейских философов в XVIII в. — первой половине XIX в. о смысле истории привели к тому, что был разработан универсальный философско-политический идеал или проект устройства совершенного общества, на реализацию которого должны быть направлены усилия власти, граждан каждой страны.

Этот проект по уровню обобщения был социально-философский, но в нем

⁴ См.: Момджян К.Х. Цит. соч. С. 79.

более детально оказалось проработанным устройство государства, политическая сфера жизни в целом, отчего социальную философию классического периода можно назвать социально-политической или просто политической философией.

Она включала в себя такие понятия, как естественные и неотчуждаемые права человека и гражданина, общественный договор, республика, выборность законодательной власти, баланс ветвей власти, гражданское общество, политические партии, идеологический и духовный плюрализм в обществе и многое другое.

Бурное развитие раннекапиталистического (индустриального) общества, весь ход практических изменений в западном обществе особенно в XIX в. подтверждал, казалось бы, правоту классического либерализма.

Поэтому всякие рассуждения о дальнейшей судьбе человечества, тем более о сущностных законах всемирной истории, возможных альтернативах в ее развитии, становятся с точки зрения либеральной концепции излишними, а с политической точки зрения и опасными. Необходимо заниматься научным изучением реальных процессов, происходящих в обществе и связанных с реализацией философско-политического идеала.

Французский философ О. Конт впервые говорит о необходимости создания науки об обществе — социологии. В его учении о стадиях умственного развития человечества и человека главная роль отводится третьей — научной, или позитивной, стадии, когда возникает подлинная наука о законах функционирования и прогрессивного развития существующего в западных странах общественного строя.

Однако Конт ограничивает научное знание об обществе установлением точно фиксируемых связей и отношений между наблюдаемыми явлениями. Категория сущности для него есть пережиток донаучных представлений. Поиск причин и сущности социальных явлений находится за пределами науки. Либерализм оканчивается самым тесным образом связанным с позитивистской философией.

Что касается либеральной философии истории, то к концу XIX в. она все более трансформируется в важное, но вспомогательное средство исторического познания.

Идея прогресса в направлении реализации заданного природой человека общественно-политического идеала сменяется идеей бесконечной эволюции. В либерально-позитивистской концепции на протяжении XIX в. — первой половины XX в. протекал интенсивный процесс взаимного сближения и взаимного проникновения либеральной социальной философии и социологии.

Весьма показательны слова Р. Арона, приведенные в дискуссии К. Момдзяном. Объясняя свой выбор основоположников социологии, с которыми он связывает основные направления ее развития, Арон замечает: «Эти портреты — портреты социологов или философов? Не будем об этом спорить. Скажем, что речь идет о социальной философии относительно нового типа, о способе социологического мышления, отличающемся научностью и определенным видением социального»⁵.

⁵ Момдзян К. Цит. соч. С. 79.

Можно уверенно сказать, что стремление к созданию научной теоретической социологии оказало огромное влияние на предмет, категориальный аппарат и в некоторой степени на судьбу либеральной социальной философии. Это стремление означало на практике постепенную и вместе с тем неуклонную атрофию главной функции социальной философии — быть учением о должном.

Сущее и должное оказались предельно сближенными как в сфере теоретического обществознания, так и в плане интерпретации всемирно-исторического процесса.

Разумеется, не ко всем западным социальным теоретикам можно отнести приведенные выше слова Р. Арона, а к таким, например, как О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Ясперс.

Универсальность либерально-позитивистской концепции развития общества и его будущего была оспорена в рамках европейской мысли К. Марксом, который также выдвинул универсальную концепцию исторического процесса, ведущую закономерно к появлению на смену буржуазного общества коммунистического бесклассового общества, которое с естественно-исторической необходимостью вырастает из капитализма, является и его порождением, и его отрицанием.

С точки зрения классового содержания либеральная и марксовская концепции общества не могут быть совместимы. Отсюда расколотый характер общества классического (индустриального) капитализма. Но этим верным суждением ограничиться нельзя.

Классический марксизм не только указал на историческую закономерность существования буржуазного строя и порожденной им либерально-позитивистской мысли. Его роднит с либеральной социальной философией и общая приверженность культу науки со второй половины XIX в., стремление к «онаучиванию» всего общественного знания, в том числе и философских взглядов на устройство общества и его историю.

Отсюда и сходство в понимании структуры теоретического обществознания (пользуясь терминологией К.Х. Момдзяна) как философско-социологического знания.

С тем лишь огромным различием, что в классической либерально-позитивистской традиции «научность» социологической мысли ведет к социологизации социальной философии. Напротив, в классической марксистской традиции утверждение «научности» социальной философии (исторический материализм есть наука) означало, что социальная философия вбирает в себя социологию, лишает ее в значительной мере самостоятельного содержания.

Можно сказать и по-другому. Прежде чем результативно заниматься теоретической социологией, необходимо иметь решение вопроса о должном и вступить на путь практической реализации должного.

Отечественная история XX в. реализовала эту модель в искаженном виде. Советская версия марксовой социальной философии — исторический материализм — объявленный наукой, подвергается мощной идеологизации.

Это означает, что он трансформируется в такое учение, которое призвано прямо решать все конкретные задачи, поставленные партией. При этом за ним сохраняется статус и социально-философского, и социологического знания. Глубина искажения идеологией этих знаний — вопрос, требующий отдельного рассмотрения. О нем мы ниже скажем.

Теперь, как мне кажется, становится понятно, почему так сильно стремление и в либерализме, и в классическом марксизме построить единую теоретическую социальную философию, которая при этом довольно жестко связана с теоретической социологией и образует вместе с ней теоретическое обществознание. Желание сделать социальную философию подлинной наукой может иметь разные причины, но цель остается неизменной.

По этой причине всякие попытки поставить под сомнение правомерность монолитного единства философского и социологического знания, конечно же, должны вызывать критическую реакцию в виде опасной и недопустимой «фрагментации» знаний об обществе.

Подойдем теперь к проблеме с другой стороны. Признаем, что социальная философия не является наукой (в смысле поиска и получения достоверного, истинного знания) и что главнейшую роль в жизни общества, в определении его судьбы играли и продолжают играть сегодня именно авторские философские системы.

На мой взгляд, это магистральный путь развития социально-философского знания. Востребованность обществом философских авторских систем всегда была высокой, тем более в наши дни, когда российское общество находится на распутье.

В общественное сознание заброшено огромное количество самостоятельных и поверхностных рассуждений о том, какой должна стать Россия в ближайшие десятилетия и даже годы, если государственная власть прислушается к советам автора.

Но по-настоящему профессиональных философских концепций, ярких и самобытных фигур, очень и очень мало. По одной простой причине. Чтобы найти реальные пути выхода из того кризиса, в котором оказалась сегодняшняя Россия, требуется обобщить огромный и очень сложный культурно-исторический опыт, накопленный российским обществом, всей российской цивилизацией.

Мои критические замечания не должны вести к принижению значимости теоретической, научной философии, но ее назначение, как было сказано ранее, заключается, прежде всего, в разработке категориального аппарата и в определении поля философского дискурса.

Более того, ее роль сегодня в последнем отношении оказывается абсолютно необходимой. Наличие научно-рефлексивной философии удержива-

ет сферу социально-философской мысли от распада, от расползания ее за пределы, впрочем, не очень жестко обозначенные, но все же имеющие место нормативного поля. При выходе за него пишущие авторы, которые называют себя философами, окончательно перестают понимать друг друга. В последние годы в стране опубликованы и такого рода работы.

Но это еще далеко не полный ответ на вопрос о связи социальной философии с другими видами социального знания, с обществом в целом.

Классические либерально-позитивистская и марксистская мысли носили универсальный характер. Они предполагали, что все человеческое общество станет либо либеральным, капиталистическим, либо коммунистическим (социалистическим). Неуниверсальность этих теорий в их классическом виде (XIX в. — первая половина XX в.) сегодня очевидна.

Переход высокоразвитых стран Запада на постиндустриальный этап развития вызвал в общественном сознании этих стран огромный интерес к появившимся в ходе истории альтернативам общественного развития, к созданию новой онтологии социального бытия, претерпевающего радикальные изменения в своем историческом развитии.

Все это нашло свое выражение, прежде всего, в появлении огромного количества работ по философии истории и, соответственно, по поиску нового философского основания для современной теоретической социологии.

В последние десятилетия в ходе быстрого роста процессов глобализации произошла радикальная смена вектора истории. По этой причине сегодня очень трудно защитить универсальность классического онтологизма как в либерально-позитивистском, так и в марксистском варианте.

По мере нарастания процессов глобализации США все более отделяет свою судьбу, свое историческое будущее от всего остального, так называемого «незападного» мира. Появляется все больше признаков того, что США, превратившись в 90-е гг. в единственную сверхдержаву, постепенно приобретают черты особой, англо-саксонской цивилизации, которая все дальше отделяется от своего материнского ложа — европейской (западноевропейской) цивилизации. Запад как цивилизация перестает быть единой.

В Западной Европе идеи классического Просвещения поставлены под сомнение постмодернизмом, идут поиски своего, «европейского» ответа на глобальные вызовы современной истории.

Все это означает, что перспективы общественного развития, обрисованные в классических теориях Запада, не могут далее переноситься в другие культуры, поскольку резко сужаются границы их применимости к анализу перспектив развития незападных стран. Отсюда тот огромный интерес, проявленный в этих странах, к цивилизационному взгляду на исторический процесс.

Какие последствия социально-философского характера, особенно для изучения проблемы всеобщих и неизменных черт общества как такового,

проистекают из факта неуниверсальности западного пути, откровенного сепаратизма США, противопоставляющих себя остальному миру?

Многообразие всеобщего в рамках теоретического описания общества как такового — далеко еще не решенная задача в рамках научной социальной философии, хотя в этом отношении работа К.Х. Момджяна «Введение в философию» заслуживает особого внимания. В решение проблемы многообразия особое место занимает категория основных сфер (сторон) общественной жизни или жизнедеятельности людей.

Обычно выделяется четыре или пять сфер. Это экономическая сфера, политическая, социальная, духовно-ценностная (философия, искусство, религия) и теоретическая (наука), хотя не все авторы принимают такое разделение единой духовной сферы на две самостоятельные сферы. Несмотря на обширную литературу, посвященную «сферной» проблематике, до сих пор высказываются немало сомнений по поводу значимости изучения общества под «сферным» углом зрения.

Мне представляется, что «сферный» подход действительно является не очень точным выражением одной, но исключительно важной проблемы, которая уже получила основательную разработку в другой терминологической парадигме, названной «осевым принципом». Если не вдаваться здесь в терминологические тонкости, то впервые осевой принцип развития общества был сформулирован русским ученым Н.Я. Данилевским, создавшим учение о культурно-историческом типе общества.

В работе «Россия и Европа» он, в частности, утверждал, что греческая и римская цивилизации были одноосновными цивилизациями, каждая из которых развивала только одну из сторон (сфер) общественной жизни — соответственно культурную и политическую. Германско-римский культурно-исторический тип общества он назвал двуосновным политико-культурным типом.

В заключительной части своей работы Н.Я. Данилевский выразил надежду, что славянский тип общества будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом общества. В понятийном плане осевой принцип как принцип развития общества был сформулирован в 60-х гг. XX в. Д. Беллом в работе «Приход постиндустриального общества».

Теоретическая значимость осевого принципа состоит в том, что любое общество не просто состоит из всеобщих (основных) сфер жизни. Оно развивается вдоль этих «сферных» осей. Полнота развития общества с точки зрения всеобщности связана с полнотой его развития по всем основным осям.

Таким образом, о прогрессе в истории можно говорить и как о закономерной смене одноосевых (одноосновных или односферных) типов общества двухосевыми и т. д. Другие сферы, разумеется, в каком-то виде присутствуют в жизни отдельного общества, которое, как показывает история, могло далеко уходить в своем развитии вдоль одной, двух, трех, но одновременно не вдоль всех осей, заложенных в его онтологической природе.

Зададимся теперь вопросом, все ли существующие ныне цивилизации как особые культурно-исторические типы общества в условиях растущей глобализации и сепаратизма США смогут развиваться по полной пяти-осевой модели, которая есть очевидный результат длительного развития (разумеется, не законченного) западного общества на классической (индустриальной) стадии развития.

Например, у африканской цивилизации нет перспектив для развития вдоль оси науки (здесь имеются в виду, прежде всего, фундаментальные науки).

Иначе говоря, с сегодняшней точки зрения это будет цивилизация неполной всеобщности. Возможно, что на жизни других цивилизаций сказывается или еще скажется особое сочетание или синтез сфер или осей развития. Например, религия плюс политика в исламской цивилизации.

Очевидно, если теоретическая социальная философия будет по-прежнему ориентироваться в своих построениях на пятиосевой принцип развития для всех цивилизаций и обществ сегодня, то она рискует стать фактором дезориентации не только конкретных наук, но и политической практики партий, находящихся у власти. Неполнота осевого развития цивилизации порождает глубокие различия в функциях и структуре конкретных обществ, принадлежащих к одной цивилизации по сравнению с другими цивилизациями.

Можно пойти дальше и сказать, что уходящие далеко вперед в своем развитии США и безнадежно отставшие страны Африки, особенно тропической зоны, начинают выступать в качестве примеров стран, неуниверсальных по своему историческому развитию. Более того, тупиковыми линиями развития мировой цивилизации. А носителями универсализма будут выступать те страны, которые оказались как бы посередине между отставшими и ушедшими вперед цивилизациями и странами.

После всего сказанного об осевом принципе развития обратимся теперь к проблеме статуса и предмета современной социальной теории общества. В чем заключается сегодня потребность в современном общественном знании в создании такого рода теории? Ю.М. Резник является страстным приверженцем этой идеи, доказательство и развитию которой он посвятил ряд книг.

С его точки зрения, «между социально-философским и социально-научными уровнями познания социального и культурного бытия человека находится промежуточный уровень, объединяющий общие положения социальной философии и конкретно-научные подходы»⁶. Социальная теория выступает общей теорией социальной реальности.

Если вкратце суммировать различные оценки статуса социальной теории, то суть спора примерно такова: во-первых, может ли теоретическая социология в принципе претендовать на то, чтобы быть такой общей социальной теорией или она была, есть и должна остаться конкретно-науч-

⁶ Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология. М., 1999. С. 195.

ной, хотя и фундаментальной социальной наукой? И, во-вторых, независимо от решения этого вопроса, что означает быть общей социальной теорией, расположенной между философской теорией всеобщего и конкретно-научной теорией?

Во всем многообразии методологических подходов и точек зрения, о чем нужно говорить отдельно, выделим для решения этих вопросов главное. Прежде всего, социальная философия, по крайней мере, в русском языке, вполне могла бы называться не социальной, а общественной философией. И то, что мы пользуемся понятием «социальная философия» порождает немалые трудности во всей обществоведческой мысли.

Название «общественная философия» время от времени появляется в литературе. К примеру, одна из первых работ Н.А. Бердяева так и называлась — «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» (1901г.). В отдельных работах отечественных авторов также иногда появляется это название. Что поделат, пока не прижилось это название.

Социальная философия, хотя ее не привилось называть «общественной философией», есть точно философия общества. Общественное, несомненно, шире социального. Общество вообще как определенный тип бытия само идентифицирует себя только в сопоставлении с тем, чем оно не является.

С одной стороны, оно противопоставляет себя живой и неживой природе, с которой оно взаимодействует, и это взаимодействие выступает условием существования общества как такового.

С другой стороны, оно противопоставляет себя биологической, природной основе человека. Следовательно, когда социальная философия говорит об обществе, то она пытается, прежде всего, установить внешнюю его границу. Внутри этой отграниченной области можно вести речь о социальности как таковой, о социуме как таковом и т.д. Но это то же самое общество, только взятое со стороны диалектики субъективной деятельности людей и объективных условий этой деятельности. Анализ этой диалектики обретает реальный смысл при условии идентификации обществом самого себя со стороны своей внешней определенности.

Изучение социума как такового это тоже задача, прежде всего философская. Набор функций общества по освоению внешней среды определяет сферную (осевую) структуру общества

Для решения поставленных выше вопросов обратимся теперь к анализу трактовки предмета социологии как теоретической дисциплины. Обычно социология определяется как наука о социальном.

Социальные связи и отношения индивидов имеют синтетический характер в том смысле, что они входят во все виды общественных отношений. При занятиях политикой или наукой, при работе на производстве или в театре, перед индивидами всегда возникают не только собственно трудовые,

производственные задачи, но и проблемы социального характера, которые они также пытаются решать.

Поэтому в реальной жизни возникает в результате синтеза особый тип общественных отношений между людьми, не сводимый ни к политическим, экономическим, нравственным и т.д. отношениям.

Социальное содержание многочисленных отношений индивидов и групп друг к другу проявляется как результат их осознанного отношения к своему положению в обществе, ко всем другим явлениям и процессам общественной жизни, которые оказывают влияние на их положение в обществе. Можно много спорить о конкретных целях субъектов социальной деятельности, но все эти цели, так или иначе, определяются их пониманием проблемы справедливого или несправедливого устройства общества, свободы и равенства индивидов и социальных групп, как больших, так и малых.

Справедливость выступает в качестве важнейшего побудительного мотива к деятельности по сохранению или изменению существующих общественных отношений в обществе. Даже если не соглашаться с выдвиганием на первое место справедливости, все равно социальные цели всегда наполнены собственно человеческим, гуманистическим содержанием, гуманистической направленностью.

Таким образом, понятию (на основании принципа справедливости) социальную сферу жизни изучает теоретическая социология как фундаментальная конкретно-научная дисциплина. Наряду с социологией обычно выделяют в литературе по числу основных сфер (осей) общественной жизни другие конкретные (частные) фундаментальные дисциплины — политологию, культурологию, наукоологию (науковедение), экономику.

Также можно выделить две конкретные фундаментальные дисциплины, имеющие предметом изучения взаимодействие общества с природной средой — социозекологию и социобиологию.

Социология, однако, не является рядоположенной с этими дисциплинами. Она изучает социальную структуру общества как целостную, развивающуюся систему, которая пронизывает и объемлет все общество. Эта система названа в социологии социетальной системой, чтобы подчеркнуть ее отличие от общества как более широкой системы. Необходимость научного изучения социетальной системы обуславливается тем, что она выступает главным средством самовоспроизводства общества или обеспечения его жизнеспособности.

И потому социология в единстве ее теоретического и прикладного уровней всегда направлена на решение стоящих перед конкретным обществом конкретных задач, т.е. вдоль оси от настоящего — к будущему.

Теоретическая социология изучает условия деятельности субъектов в различных — в сферах политики, науки, производства и т.д. с тем, чтобы показать, как и почему они вместе с тем становятся и субъектами социальной

деятельности, т.е. как они оценивают свое социальное положение в обществе, как это сказывается на результатах их трудовой, в широком смысле слова, деятельности.

И что они намерены делать с точки зрения изменения их социального положения в обществе: лучше трудиться, по возможности лишь обозначать работу или они доведены до безвыходного положения и намерены выходить на улицу.

Социология в принципе должна давать научно достоверную картину уровня жизнеспособности общества, указывать на «больные» точки социального организма и формулировать свои рекомендации по их «лечению». Далеко не всегда теоретическая социология последовательно стремится к решению проблем справедливости в обществе.

Но так или иначе, теоретическая социология изучает и фиксирует те наличные обстоятельства и условия, при которых действуют социальные субъекты, ищет пути повышения эффективности их деятельности. Но вскрывает ли она природу этих обстоятельств и условий, их происхождение?

Ранее, во времена господства классической социальной философии, как позитивистской, так и марксистской, их соответствующие положения и выводы переносились в социологию в качестве теоретического объяснения тех обстоятельств и условий, при которых действуют социальные субъекты.

Иначе говоря, философское объяснение происхождения и сущности общественных отношений: политических, экономических, нравственных, семейных и т.д., их институциональных форм, например, государства, общины, норм морали и т.д. — непосредственно становится как бы частью социологической теории.

Вот перед нами «практически работающее» концептуальное единство философского и социологического знания по необходимости в упрощенном виде. Между двумя частями единого научно-теоретического обществознания нет зазора, а есть огромный пласт научного знания, которое одновременно принадлежит двум дисциплинам философии и социологии.

С этих позиций социологию можно назвать наукой об обществе как целостной системе, и ограничение ее задач изучением только социетальной области теряет смысл. Но если поступать так, тогда действительно просто не остается места, с моей точки зрения, для существования некоей социальной теории, лежащей между социальной философией и теоретической социологией.

Что же изменилось в мире и в обществознании в последнее время, если появилось ясно выраженная потребность в создании социальной теории, не совпадающей по предмету с общетеоретической социологией? Социология явно не успевает отвечать на те растущие потребности в эффективном управлении общественными процессами, которые испытывает современный мир, потерявший свою стабильность и находящийся ныне в кризисном состоянии.

Социология ищет ответы на путях экспансии, она действительно пытается выйти далеко за рамки конкретной фундаментальной дисциплины, изучающей социальную сферу общества.

Сегодня социология, если говорить об основных тенденциях развития отечественной социологии, пытается стать целостной наукой об обществе, раскрыть смысл других основных сфер (осей) общественной жизни, решать проблемы взаимодействия природы и общества, но кажется, всерьез пока не начала еще осваивать социобиологическую проблематику. Но есть и другой путь, связанный с созданием современной социальной теории общества. Какой путь лучше?

С этой целью следует обратиться к более глубокому выявлению причин потребности в создании социальной теории, из каких проблем развития современного общества она вырастает?

В общественном сознании каждого достаточно развитого общества складывается и существует много разных социально-философских концепций, пытающихся объяснить и предвидеть будущее. Борьба и конкуренция между ними есть вполне обычное явление в духовной жизни нормально развивающейся страны.

Ненормальна та ситуация, когда господствует лишь один официальный взгляд на прошлое и будущее, как это имело и имеет место при теократических и тоталитарных режимах.

Важно, однако, чтобы эта борьба способствовала динамичному развитию общества, его экономики, социальной сферы, культуры, а не приводила к стагнации, ожесточению или даже к гражданской войне.

Как мне представляется, философские проекты более совершенного устройства общества в будущем вообще не могут переводиться прямо на язык политических решений и действий. Между философией и конкретными (частными) науками, непосредственно связанными с практикой, располагается сфера социальной теории конкретного общества, которая поэтому может быть теорией только этого отдельного общества как целостной, развивающейся системы. Здесь, как мне видится, открываются широкие горизонты для социальной теории.

Кто и на каких предпосылках создает или должен создавать такую теорию, кто выбирает из конкурирующих социально-философских теорий наиболее достойную как основу для создания целостной социальной теории общества? Ведь каждая авторская социально-философская система в принципе может стать основой для создания социальной теории.

Особенно показательна в этом отношении современная ситуация в России. В жизни общества идет ожесточенная полемика между либералами, марксистами, консерваторами, евразийцами, националистами и т.д. на всех уровнях, в том числе и на философском. Каждое из этих направлений призывает вести реформирование российского общества только в желательном для них направлении.

Поэтому единого более или менее приемлемого для значительного большинства страны политического решения пока нет. Страна все еще пребывает в состоянии системного кризиса.

С моей точки зрения, социально-философской основой социальной теории российского общества должно явиться, прежде всего, определенное решение вопроса о природе российской цивилизации, ее социокультурном коде (матрице), новой идентичности и, следовательно, о перспективах дальнейшего устойчивого развития.

К сожалению, общенационального согласия по поводу природы российской цивилизации на сегодняшний день, повторю еще раз, не достигнуто. И ближайшая перспектива также не внушает здесь особого оптимизма. Диапазон высказанных точек зрения предельно широкий: от безусловного отрицания специфики российской цивилизации до признания ее особой исключительности и неповторимости в сравнении с другими цивилизациями.

Как же страна в ситуации духовного разлада может уверенно двигаться вперед? Хорошо известно, что западноевропейские страны в течение многих столетий исходили и исходят из факта безусловной их принадлежности к одной христианской цивилизации, хотя нередко они и воевали друг с другом. А тут одна страна не может решить проблему цивилизационной идентичности, что стало основным препятствием на пути ее дальнейшего развития, а также научного анализа состояния и динамики общественных процессов.

С содержательной стороны в качестве основы социальной теории целостного общества как системы должна выступать социально-философская концепция его развития. Ее могут выдвигать и обсуждать различные идейные объединения, социальные и политические силы. Но выбор делает государственная власть, точнее говоря, правящая интеллектуальная элита. Она делает этот выбор или на основе достижения общенационального согласия, или через установление жесткого авторитарного режима.

Но, так или иначе, власть от имени общества принимает решение о том, куда, в каком направлении двигаться. Тем самым явно или скрытно, осознанно или неосознанно признается определенная цивилизационная природа общества и, что очень важно заметить, детерминируются условия и обстоятельства, при которых действуют индивиды и, прежде всего, субъекты социальной деятельности.

О том, насколько адекватным оказывается этот выбор, свидетельствуют впоследствии практические результаты: социальный прогресс или социальная деградация.

Радикал-реформаторы 90-х гг. были твердо убеждены в том, что Россия, несмотря на все особенности ее истории, всегда была частью западной цивилизации. Провал радикальных реформ в стране показал, что не были учтены какие-то важные социокультурные особенности российского общества.

В настоящее время в стране проводится одновременно около 10 реформ — от военной до пенсионной. Однако целостная картина реформирования общества отсутствует. Ее нет ни у правящей элиты, ни у федеральной власти, ни у самих реформаторов. Остаются неизвестными сроки реформ, связи между отдельными реформами, их совместные социальные последствия на длительную перспективу.

Почему нельзя выявить и прописать на языке науки совокупность этих реформ, связи между отдельными реформами? Потому что нет, говоря словами Т.И. Заславской, «генеральной концепции постсоветского общества»⁷. И, следовательно, нет основы для создания содержательной социальной теории современного российского общества как целостной развивающейся системы.

Социальная теория и есть теория, которая переводит социально-философские размышления о прошлом, настоящем и будущем российского общества и вытекающую отсюда генеральную концепцию развития на уровень особенного, а именно — на уровень описания функционирования и развития целостного российского общества.

Таким образом, условием создания общей социальной теории выступает определенное решение о направлении дальнейшего развития общества. Уже по одной этой причине общая социальная теория не может быть научной теорией в том же смысле, как и общетеоретическая социология.

Когда Ю.М. Резник справедливо говорит о том, что социальная теория объединяет общие положения социальной теории и конкретно-научные подходы, то это и означает невозможность ее сведения к «чистой» науке.

В ходе конкретизации принятой концепции формулируются нужные идеологические установки, ставятся достаточно обоснованные и взаимосвязанные задачи по реформированию различных сторон общественной жизни, проводится разъяснительная, пропагандистская работа по убеждению общества в практической важности предстоящих реформ, направленных на достижение по новому понятию социальной справедливости

И самое главное. Принятая генеральная концепция вместе с общей социальной теорией, если воспользоваться выражением Т.И. Заславской, теперь могут «составить методологическую основу специальных отраслей социологического знания наподобие того, как это делал марксизм»⁸.

Но если исходить из необходимости создания социальной теории, тогда приведенное замечание относительно методологической основы должно касаться не только самой теоретической социологии, но и других конкретных фундаментальных наук — российской политологии, культурологии и т.д.

Если в обществе есть общенациональное согласие по базовым, ключевым вопросам, тогда существующие научные школы и направления имеют

⁷ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2003. С. 556.

⁸ Заславская Т.И. Цит. соч.

много общего. Если же такого согласия нет, тогда в обществе складывается иная ситуация.

Конфликтующие политические силы призывают к созданию и даже пытаются создавать параллельно существующие научные, по их мнению, концепции в политологии, социологии и т.д., которые противостоят друг другу и каждая из которых считает себя подлинно научной. Естественно, официальные власти делают все возможное для того, чтобы оттеснить неудобные концепции и школы на периферию общественного сознания и читательского интереса.

В такой ситуации все больше внимания уделяется разработке категориального аппарата как в научной (рефлексивной) социальной философии, так и в нарождающейся социальной теории российского общества. Но чем меньше общенационального согласия, тем больше эмпирического, феноменологического, описательного в категориях, призванных отразить российскую специфику.

Например, роль политических партий в современной России. Для одних многопартийность в России — показатель того, как далеко продвинулось российское общество по пути демократизации; для других — многопартийность — это ширма для всевластия верхушки госбюрократии и олигархов; для третьих — в принципе чуждое и вредное для россиян занятие, и тогда спасение России видится в единстве беспартийного народа и верховной, единоличной власти.

С содержанием других категорий дело обстоит примерно так же: говорится ли о соотношении материальных и духовных интересов человека, о государстве и рынке в условиях глобализации и т.д.

Бессодержательность категорий делает неэффективным стремление к созданию социальной теории российского общества как целостной развивающейся системы. Общество, его различные слои, большие группы должны сначала договориться относительно хотя бы самых общих целей развития общества.

Таким образом, существует два пути ответа на потребность в создании социальной теории конкретного общества как целостной системы. Вопрос о том, какой из них может оказаться более действенным и перспективным — расширение предмета социологии или создание социальной теории, — как мы видим, зависит, прежде всего, от изначальной предпосылки — определенного понимания природы социальной философии.

В заключение можно сказать следующее. Сегодня можно услышать немало сетований по поводу невостребованности фундаментальных общественных наук в отличие от прикладных исследований, которых стало проводиться необъятное множество.

Мне представляется, что развитие фундаментальных общественных наук в стране примет устойчивый характер развития только после того, когда бу-

дет достигнуто общенациональное согласие по важнейшим целям развития российского общества и выработана генеральная концепция развития.

В настоящее время российское общество постепенно вползает в однополярный мир в основном на тех условиях, которые сформулированы единственной «сверхдержавой» и которые навязываются остальному миру.

Является ли «вползание» России в однополярный мир вынужденным тактическим ходом или вполне определенным концептуальным выбором, пока еще трудно сказать. Но этот выбор, в конечном счете, и определит магистральный путь развития отечественной социальной философии, всего обществознания в целом.